

И. И. Муллонен, Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 2000.

23 мая 2000 года на заседании Специализированного совета Д.064.44.01 при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Ирма Ивановны Муллонен на тему «Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования». Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. К. Матвеев (Екатеринбург), Ю. В. Андуганов

(Йошкар-Ола), А. Н. Куклин (Йошкар-Ола).

Безусловно, топонимия всегда находилась в поле зрения топонимастов и специалистов, изучающих историко-культурные взаимоотношения финно-угров с не родственными по языку соседними народами, контакты с которыми обусловили возникновение иноязычных наслоений и онимических вкраплений в топонимической системе финно-угорских языков.

Нельзя не заметить в этой связи, что Присвирье, занимающее простран-

ство между двумя крупнейшими озерами Европейского Севера — Онежским и Ладожским, представляет определенный научный интерес для топонимистики. Река Свирь с ее притоками на протяжении тысячелетий играла значительную роль в исторических судьбах народов Северо-Запада России. Она была одним из основных участков разветвленной сети водных и водно-волковых путей Севера Восточной Европы. В прошлые века северная часть бассейна Свири входила в Олонецкую губернию (наименование по р. Олонка в бассейне Ладожского озера), а южная — в Новгородскую и Санкт-Петербургскую.

Обонежская пятина с XVI в. делилась на Заонежскую и Нагорную половины и до XVIII в. была частью Новгородской земли. В наше время Присвирье входит в состав Ленинградской области и Республики Карелия.

Военные и послевоенные годы XX столетия внесли существенные коррективы в систему расселения в Присвирье. С карты региона исчезли десятки деревень, поэтому в материалах полевых сборов бассейн Свири представлен неравномерно. В частности, как отмечает И. И. Муллонен, слабо представлено Южное Присвирье (реки Янега, Яндеба, Канона, Шакшозерка). Здесь в годы второй мировой войны проходила линия фронта, что привело к уничтожению целого ряда прифронтовых деревень. Из сохранившихся деревень в послевоенные годы население активно оттягивалось в местные промышленные центры — города Лодейное Поле и Подпорожье, а также в поселки Свирьстрой и Важины. Тем самым топонимическая система Присвирья сильно разрушена. В настоящее время продолжается интенсивное стирание географических названий Присвирья из памяти коренных его жителей (И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд, *Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)*. — Санкт-Петербург 1997, с. VII—VIII). Поэтому неотложность изучения названий физико-географических объектов Присвирья ощущается все отчетливее.

В топонимиконе Присвирья несомненно существуют реликтовые названия,

представляющие определенный интерес для решения диахронических вопросов уралоистике, а также проблем этно- и палеолингвистики, этногенеза финно-угров. В этой связи показательна лингвистическая карта Присвирья: на основной его территории распространены две группы севернорусских говоров — ладого-тихвинская и онежская; верховья южных притоков реки населяют вепсы, представители среднего вепсского диалекта; на северных притоках Свири — Услонке и Важинке — расположены людиковские поселения. На всей территории Присвирья присутствует значительный пласт доприбалтийско-финской топонимии, подвергшийся вепсской адаптации. В настоящее время на достаточно ограниченной территории взаимодействуют русская и прибалтийско-финская топонимии. При этом автор справедливо подчеркивает, что подобная ситуация создает уникальную возможность для исследования механизмов взаимодействия топонимических систем, относящихся как к генеалогически разным (русский и прибалтийско-финские языки), так и к единой (вепсский, карельский, саамский) языковой семье.

Источником для написания работы послужили полевые записи географических названий и диалектной лексики, произведенные автором в течение 20 лет в Присвирье и смежных районах, — более 50 000 единиц хранения. Кроме того, привлечены данные топонимической картотеки Санкт-Петербургского государственного университета и материалы письменных источников XVI—XIX вв. В сопоставительных целях использованы полевые материалы смежных с Присвирьем территорий Белозерья, Обонежья, а также более северных районов Карелии, хранящиеся в научной картотеке топонимов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Дополнительно привлекались данные по Русскому Северу картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета, а также Ономастического архива Финляндии (Центр исследования национальных языков Финляндии).

Объем работы — 316 страниц машинописного текста, она состоит из пре-

дисловия, пяти глав, списков использованной литературы и условных сокращений. Она снабжена 25 рисунками-картами, отражающими ареалы распространения отдельных топонимных явлений. Как видно, композиция подчинена решению поставленных задач и отличается логичностью. Список использованной литературы содержит 264 наименования.

В предисловии (с. 3—12) автор обосновывает выбор темы, указывает на ее актуальность и научную новизну, отмечает теоретическую и практическую значимость.

В первой главе «Топонимия и этноязыковое контактирование» (с. 13—38) рассмотрены общие проблемы отражения в топонимическом материале процессов этнического и языкового контактирования. По справедливому мнению И. И. Муллонен, выявление субстрата чрезвычайно важно для реконструкции этноязыковой ситуации, так как языковой субстрат базируется на субстрате этническом и воссоздает былую этноязыковую обстановку.

Рассматривая прибалтийско-финский субстрат, И. И. Муллонен отмечает, что русское Присвирье может быть условно поделено на три зоны: 1) северо-восточное с бесспорным прибалтийско-финским субстратом, представленным большим количеством моделей, в том числе полукальками и полными кальками; 2) центральное с надежным субстратом, в котором, однако, отсутствуют полукальки, а в местах расположения центров древних погостов прибалтийско-финский субстрат сильно размыт; 3) юго-западное со скудными следами иноязычной микро-топонимии, что сопровождается использованием иных адаптационных моделей, чем в восточном Присвирье. Здесь субстрат представлен почти исключительно гидронимией (с. 38).

Вторая глава посвящена интеграции прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Присвирья (с. 39—143). Среди способов интеграции первенство принадлежит т. н. прямой адаптации, когда иноязычное название фонетически адаптируется русским языком. Прямые заимствования составляют около 70% всех адаптированных названий (с. 39).

Прибалтийско-финские имена существительные категории рода не имеют, в русском языке родовая форма существительного является его постоянным признаком. Поэтому прибалтийско-финские названия, переходя в топонимическую систему русского языка, оформляются родовым показателем, ср. *Габардуса* р (< *Habarduz*), *Ранда* ур (< *Rand*) (с. 40).

И. И. Муллонен не без оснований подчеркивает, что суффиксальное оформление как способ интеграции иноязычных топонимов не получил в Присвирье значительного распространения (с. 66). Калькирование (полное или частичное) — один из специфических севернорусских типов адаптации прибалтийско-финской топонимии русским языком (с. 95).

Автор справедливо констатирует, что севернорусская топонимия изобилует полукальками, например: *Kurz/so* → *Курж/болото*, *Hiim/dogi* → *Гум/река* (с. 96).

Следует отметить также, что весь анализируемый материал автором строго систематизирован.

В третьей главе (с. 144—160) исследуются вепско-карельские контакты в топонимии северного Присвирья. Автор при этом исходит из бесспорности тезиса о принципиальной недостижимости абсолютных и окончательных решений в выявлении ареалов близкородственных в языковом отношении коллективов топонимическими критериями. Ситуация же в Присвирье, как она отмечает, осложняется и тем, что речь идет не просто о близкородственных языках, а о вхождении одного как составной части в другой: вепский был здесь по общему представлению исследователей истории формирования ливвиковского и людиковского наречий карельского языка, перекрыт и поглощен карельским. Аpellятивы, наиболее активно участвующие в топонимическом образовании, восходят в массе своей к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков, и, следовательно, не обладают способностью дифференцировать языковые коллективы (с. 146).

Четвертая глава (с. 161—281) посвящена доприбалтийско-финской топонимии Присвирья. По объему она крупнее

остальных глав, состоит из нескольких разделов, в которых рассматриваются общие вопросы доприбалтийско-финского наследия в топонимии Присвирья (с. 161—175), делаются экскурсы к истокам «речных» формантов (с. 175—208); этимологизируются субстратные топоосновы (с. 208—265); основные выводы обобщаются в заключительном разделе.

Следует, впрочем, заметить, что применяемая методика этимологического анализа субстратной доприбалтийско-финской топонимии Присвирья основана на выявлении «точных», географически проверяемых этимологий в рамках универсальных семантических моделей номинации и с учетом тех языковых (структурных и фонетических) закономерностей, которые установлены прибалтийско-финско-саамским историческим языкознанием на апеллятивном материале.

Дискуссионной для Севера Восточной Европы считается гидрооснова *ягр-/явр-* (с. 225—226). В свое время Б. А. Серебрянников на основе данных исторической фонетики финно-угорских языков пришел к выводу, что группа *-ur, -ur* в саамском названии озера *jaur, jaurge* возникла в результате метатезы составных элементов группы *-rv* (Общее языкознание. Методы лингвистических исследований, Москва 1973, с. 291).

И. И. Муллонен, указывая на предполагаемую общесаамскую метатезу **jār-ūā → *jāvrē*, справедливо отмечает, что появившаяся в последнее время балтийская этимология позволяет трактовать закрепившийся в саамском слове звуковой облик как изначальный. В качестве источника заимствования предлагается древняя балтийская основа, к которой восходят литов. *jāura* 'болото', прус. *wurs* (< **uras*) 'лесное озеро', а также литов. *jura* 'море'. Данная этимология, если верна, снимает необходимость учета саамской метатезы, которая, по мнению автора, и так не слишком убедительна, поскольку сочетание *-rv-*, возможно, существовало уже в прасаамское время, и для метатезы не было четких фонологических причин (с. 226).

Следует заметить, что этимологические объяснения субстратных топо-

основ сделаны на основе исследований родственных и неродственных языков, поэтому они достаточно убедительны и в большинстве своем бесспорны, а некоторые спорные моменты в интерпретации отдельных топооснов и гидролексем могут послужить импульсами для их исследования под другим углом зрения.

Глава богата ценными сведениями и свежей информацией, поскольку значительное число наименований объясняется впервые.

В пятой главе рассматривается формирование этнолингвистической карты Присвирья (с. 282—297). Она, видимо, в композиции исследования выполняет функцию заключения. Анализируя этнолингвистическую карту Присвирья, И. И. Муллонен очень умело пользуется ретроспективным подходом к изучаемым явлениям и фактам. Наряду с топонимическими в работе по возможности учтены и (там, где это казалось уместным) выводы этнологов и археологов.

Автор несомненно права в том, что Присвирье, представляя собой географический единую территорию — бассейн реки, в смысле этноисторического и этнолингвистического наследия делится на две историко-культурные зоны: Юго-Восточное Приладожье и Обонежье. По целому ряду топонимических фактов восточное Присвирье противостоит западному, что подтверждается моделями с разными языковыми истоками и на разных хронологических срезах.

В Присвирье, как отмечает И. И. Муллонен, можно наблюдать, насколько высока степень устойчивости историко-культурных зон: меняются этносы, хозяйственные формы, археологические культуры, а зоны остаются. Не случайно ареалы древних топонимических типов вписываются иногда в современные административные границы. Этноческие трансформации происходили в устойчивых ареальных границах.

Среди факторов, формирующих эти границы, очень важную роль играли реки, водные пути, а точнее, водоразделы (с. 295—296).

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью сказать, что И. И. Муллонен разрешила многие ключевые во-

просы прибалтийско-финской ономастики, до сих пор остававшиеся не решенными. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Теоретическая и практическая значимость их несомненна и они могут быть использованы при исследовании топонимов других регионов с финно-угорским населением.

Методологические разработки анализа контактных отношений, безусловно, найдут применение в прибалтийско-финской ономастике. Введенный в научный оборот топонимический материал может быть использован в преподавании лексикологии, диалектологии, исторической фонетики, диахронической

фонологии и морфонологии, в спецкурсах по финно-угорской ономастике в вузах Финляндии, Эстонии, Северо-Запада России.

«Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)», содержащий исходные данные и в какой-то мере отражающий языковые и диалектные особенности, несомненно, поможет в решении проблем стандартизации географических названий Присвирья.

Работа И. И. Муллонен «Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования», несомненно, заполняет существенный пробел в изучении топонимии как прибалтийско-финской, так и уральской в целом.

А. Н. КУКЛИН (Йошкар-Ола)